

**КЛАЙВ
КАССЛЕР**
Грэм Браун

КЛАЙВ КАССЛЕР

Грэм Браун

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ШТОРМ

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 28

Clive Cussler, Graham Brown
THE STORM

© 2012 by Sandecker, RLLLP. By arrangement with Peter Lampack
Agency, Inc. 350 Fifth Avenue, Suite 5300 New York, NY 10118 USA

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Касслер, Клайв.
К 28 Металлический шторм / Клайв Касслер, Грэм Браун ;
[пер. с англ. Л. Соловьевой]. — Москва : Эксмо, 2014. —
384 с. — (Грандмастер приключений).

ISBN 978-5-699-75752-7

В Индийском океане погибло мирное исследовательское судно, изучавшее странные погодные аномалии. Расследование причин бедствия поручили Курту Остину из легендарного Национального управления подводных исследований. Изучив факты, тот убедился: команду погубил вовсе не несчастный случай. Ученые перешли дорогу безумному изобретателю, разработавшему грандиозный план: наполнить океаны мириадами нанороботов, с их помощью взять под контроль движение течений и ветров, а затем продавать дождь тем странам, которые больше заплатят, карая непокорных засухой. Как остановить похитителя дождей, если прожорливый рой микроскопических машин уже кишит в океанских глубинах? Враг опасен, но Курт Остин готов бросить ему вызов...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-75752-7

© Соловьева Л., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ПРОЛОГ

Индийский океан, сентябрь 1943 г.

Пароход «Джон Бьюри» разрезал бурлящие волны Индийского океана, содрогаясь от носа до кормы. Он был известен как «быстрый грузовоз» и обычно ходил в сопровождении военных кораблей. Но не в этот раз. Сейчас «Джон Бьюри» шел на всех парах с такой скоростью, до которой не разогнялся со времен ходовых испытаний. Поврежденный, обгорелый, оставляя за собой шлейф дыма, «Джон Бьюри» из последних сил боролся за свою жизнь.

Вот корабль взлетел на трехметровой волне, палуба накренилась, а нос судна зарылся в следующую волну. Облако брызг обрушилось на палубу, а потом вода отступила, с грохотом прокатившись по тому, что осталось от командного мостика.

Надстройки «Джона Бьюри» были искорежены до неузнаваемости. Дым валил из груд исковерканного металла в тех местах, куда попали снаряды. На палубе валялись обломки, повсюду лежали мертвецы. Но основные повреждения находились выше ватерлинии, и корабль смог бы уйти, если бы ему удалось избежать нового обстрела.

На фоне темнеющего горизонта, позади судна, дымились другие корабли, которым повезло меньше. Неождан-

но один из них полыхнул огненным шаром, на мгновение осветив бойню.

Без усилий можно было разглядеть четыре дымящихся корабля — три эсминца и крейсер, сопровождавшие «Джона Бьюри». Японская подводная лодка и эскадрилья бомбардировщиков одновременно натолкнулись на конвой. Сгущались сумерки, но тьму разгонял огонь — горело нефтяное пятно в милю длиной¹. В небо поднимался смрадный черный дым. Ни один из моряков не увидит зари.

Военные корабли были уничтожены четко и быстро. Только «Джона Бьюри» всего лишь обстреляли, позволив ему сбежать. У такого милосердия могла быть лишь одна причина: японцы знали о совершенно секретном грузе парохода и хотели заполучить его.

Капитан Алан Пикетт был полон решимости не позволить этому случиться, пусть даже большая часть команды была мертва, а его лицо изуродовано осколками. Схватив трубку, он закричал в машинное отделение:

— Прибавить хода!

Но ответа не было. Когда он в последний раз получил сообщение снизу, ему сказали, что на жилой палубе бушует огонь. Пикетт приказал своим людям не подниматься наверх, пока не потушат пожар. Теперь капитану никто не отвечал, и его охватил страх.

— Зеро по левому борту! — выкрикнул чудом уцелевший дозорный. — Две тысячи футов², пикируют!

Пикетт бросил взгляд сквозь разбитое стекло прямо перед собой. В неверном свете он увидел, как четыре черные точки понеслись в сером небе в сторону корабля. С их крыльев сорвались огоньки.

— Ложись! — закричал капитан.

¹ Миля равна 1,609 км; морская миля — 1,852 км. (*Здесь и далее прим. ред.*)

² Чуть более 600 м (фут равен 0,3048 м).

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ШТОРМ

Слишком поздно. Пули пятидесятого калибра¹ прошили корабль, разрезав дозорного пополам, разнеся на части то, что оставалось от мостика. Осколки стекла, деревянные щепки и куски искореженного металла полетели в разные стороны. Пикетт бросился ничком на доски. По палубе прокатилась волна жара, когда в нее ударил очередной снаряд. От взрыва корабль качнулся, и металлический потолок надстройки расколо, вскрыло, словно консервным ножом.

Когда разрушительная волна прошла, капитан поднял голову. Последний из офицеров лежал мертвым, мостик был уничтожен. Даже корабельный штурвал исчез. На шпинделе² остался висеть лишь кусок искореженного металла. Однако судно упрямо шло вперед.

Вновь поднявшись, капитан Пикетт увидел нечто, подарившее ему надежду: темные тучи и широкие полосы ливня. Водяной шквал быстро надвигался справа по борту. Если ему удастся завести корабль в шторм, то в наступающей темноте появится шанс скрыться. Держась за переборку, капитан потянулся к тому, что осталось от рулевого колеса. Потом толкнул его изо всех оставшихся сил. Колесо сдвинулось на пол-оборота, а капитан вновь упал на палубу.

Корабль начал менять курс.

Опираясь о палубу, капитан потянулся и подтолкнул остатки штурвала вверх, а затем вернул его обратно, вниз и снова... еще один полный оборот.

Пароход продолжал разворачиваться, рисуя изогнутую белую кривую на поверхности океана, приближаясь к грозному фронту.

¹ В действительности данные типы самолетов были оборудованы пулеметами калибра 7.7 мм и 20 мм.

² Вал, через который вращение штурвала передается на румпель.

Впереди небо затянули густые облака. Дождь, льющий с небес, мел поверхность океана, словно гигантская метла. Впервые с начала атаки на конвой капитан Пикетт почувствовал, что у него появился шанс, но до того как корабль скользнул под спасительную завесу шквала, гул разворачивающихся и несущихся к судну бомбардировщиков рассеял его надежду.

Он огляделся сквозь зияющие раны корабля в поисках источника этого шума. С неба прямо на него неслись два Aichi D3A. Те же самые «Вэлы»¹, что использовали японцы при смертоносном нападении на Перл-Харбор, а через месяц против британского флота у берегов Цейлона.

Пикетт наблюдал за ними, подняв голову, и слушал, как свист крыльев становится все громче, а потом, выругавшись, вытащил пистолет.

— Прочь от моего корабля! — закричал он, нацелив на приближающиеся самолеты кольт сорок пятого калибра.

На мгновение они словно застыли над судном, а потом оказались за кормой, прошив корабль снарядами пятидесятого калибра. Капитан вновь упал обратно на палубу — осколки перебили ему ноги, раздробив кости. Он лежал с открытыми глазами, уставившись в бездонное небо, не в силах пошевелиться.

Волны дыма кружились над ним в сером небе. Капитан решил, что наступил конец. Скоро корабль и его секретный груз попадут в руки противника.

Пикетт проклинал себя за то, что вовремя не затопил судно. И теперь он надеялся лишь на то, что судно само по себе затонет до того, как враги поднимутся на борт.

Когда в глазах у него уже стало темнеть, капитан вновь услышал звук приближающихся пикирующих бомбарди-

¹ Aichi D3A и «Вэл» — разные названия японского палубного пикирующего бомбардировщика «Тип 99» фирмы «Айти».

ровщиков. Рев становился все громче — крылья самолетов выли словно баньши¹, возвещавшие страшную неизбежность конца.

Но тут небо над головой капитана потемнело. Воздух миг стал холодным и пропитался влагой. «Джона Бьюри» поглотила стена тумана и дождя.

Согласно последним сообщениям японского летчика, судно, горящее, но все еще державшееся на плаву, шло полным ходом. Но больше о нем никто не слышал и никто его не видел.

ГЛАВА 1

■
*Северный Йемен, возле границы
с Саудовской Аравией,
август 1967 г.*

Тарик аль-Халиф спрятал лицо за повязкой из мягкого белого хлопка. Куфия, прикрывавшая его голову, была обернута вокруг нижней части лица, закрывая рот и нос. Она спасала его обветренное лицо от солнечных лучей, ветра и песка.

И только внимательный и колючий взгляд бедуина говорил о шестидесяти годах, прожитых в пустыне. Он, не моргая и не отводя взгляда, смотрел на мертвые тела, лежавшие перед ним на песке.

Восемь тел. Двое мужчин, три женщины, трое детей — все раздетые догола. Их одежда и вещи исчезли. Большую часть застрелили, нескольких зарезали.

Пока караван верблюдов за спиной Халифа ждал, к нему подъехал всадник. Тарик сразу признал молодого, мускулистого наездника. Его звали Сабах — один из его самых дове-

¹ Б а н ь ш и — в кельтской мифологии женский дух, который во-ем и стопами предвещает человеку смерть.

ренных людей. На локте у Сабаха покоился АК-47 русской сборки.

— Наверняка бандиты, — объявил Сабах. — Сейчас их следов уже не найти.

Халиф изучал грубый песок у себя под ногами. Он заметил следы, исчезающие на западе, там, где в сотне миль находился единственный источник воды — оазис Аби-Кузза, «шелковая вода».

— Нет, мой друг, — возразил он. — Они не стали ждать, пока их обнаружат. Скрывают свою численность, стараясь двигаться по каменистой земле, где не остается следов, или идут по сыпучему песку, где следы тут же исчезают. Одно ясно без сомнения: они направляются к нашему дому.

Аби-Кузза принадлежал семье Тарика многие поколения. Источник воды, дающей жизнь, и источник их благосостояния. Финиковые пальмы росли вокруг плодородного родника, так же как трава для овец и верблюдов.

С тех пор как появились автомобили и другой современный транспорт, караванов, которые приносили свои дары хозяевам оазиса, становилось все меньше и меньше, точно так же как и верблюдов. Бедуины вроде Халифа и его семьи стали беднеть, но еще не утратили своей роли. Чтобы у клана было будущее, их оазис должен находиться под надежной защитой.

— Ваши сыновья защитят его, — сказал Сабах.

Оазис лежал в двадцати милях к западу. Там были сыновья Халифа, два племянника и их семьи. Полдюжины палаток. Десять мужчин с винтовками. Не такая уж легкая добыча. Но на душе у пустытника скребли кошки.

— Мы должны поспешить, — объявил он, залезая на своего верблюда.

Сабах кивнул. Он передвинул АК-47 так, чтобы удобнее было стрелять, и подтолкнул пятками своего верблюда.

Через три часа они приблизились к оазису. Издали они не увидели ничего, кроме мелких костров. Не было видно ни следов борьбы, ни тел на песке, ни рваных палаток или бродячих животных.

Халиф приказал каравану остановиться и спешился. Взяв Сабаха и еще двух человек, он двинулся вперед пешком.

Тишина стояла такая, что они слышали потрескивание дров в кострах и скрип песка у себя под ногами. А потом где-то вдалеке затыкал шакал. Люди Халифа прошли долгий путь и знали: в пустыне не бывает полной тишины.

Тарик остановился, ожидая, пока смолкнет шакал. А когда его вой затих, чей-то голос затянул старинную бедуинскую мелодию. Песня доносилась из главного шатра и звучала спокойно.

Халиф расслабился. Пел его самый младший сын — Джинн.

— Ведите караван, — приказал он. — Все в порядке.

В то время как Сабах и остальные направились назад, к верблюдам, Халиф пошел к оазису. Он добрался до своей палатки, откинул полог и замер.

Бандит в лохмотьях стоял, прижав изогнутый клинок к горлу его сына. Другой бандит сидел рядом, сжимая в руках старую винтовку.

— Одно движение, и я перережу ему горло, — заявил бандит.

— Кто ты?

— Я — Масик, — ответил бандит.

— Чего ты хочешь? — спросил Халиф.

Масик пожал плечами.

— А чего у тебя есть?

— Верблюды дорого стоят, — сказал бедуин, прикидывая, что незваные гости станут делать дальше. — Я отдам их тебе. Пощади мою семью.

— Твое предложение ничего не стоит, — ответил Масик, кривясь от презрения. — Потому что я и так могу взять, что захочу. А еще потому что... — тут он крепко сжал плечо мальчика, — кроме этого мальчишки, вся твоя семья уже мертва.

Сердце Калифа сжалось. Под туникой у него был спрятан «Веблей-Фосбери» — автоматический револьвер, надежное оружие с прицельным боем. Такой револьвер не давал осечек даже после нескольких месяцев путешествия по пустыне. Теперь Халиф хотел только одного — незаметно дотянуться до него.

— За его жизнь я отдам тебе все, что у меня есть, — сказал Тарик. — И вы сможете спокойно уйти.

— Где-то здесь у тебя спрятано золото, — проговорил Масик так, словно это был всем известный факт. — Скажи нам, где оно.

Калиф покачал головой.

— У меня нет золота.

— Ложь, — объявил второй бандит.

Масик загоготал, его кривые и гнилые зубы отвратительно заскрипели. Крепко схватив одной рукой мальчика, он кивнул своему спутнику, чтобы тот перерезал ребенку горло. Но Джинн выскользнул из рук Масика и сильно укусил его.

Взвыв от боли, Масик отдернул руку.

Халиф наконец нащупал револьвер и дважды выстрелил сквозь тунику. Один из убийц повалился назад с двумя дырками в груди.

Второй бандит выстрелил, задев ногу Тарика, но третья пуля владельца оазиса попала ему прямо в лицо. Негодяй упал, так ничего и не сказав, но схватка только начиналась.

Снаружи ночное эхо подхватило грохот выстрелов. Теперь выстрелы гремели со всех сторон. Бедуин различил грохот старых винтовок вроде той, что была у убитого им

бандита. Им отвечал дребезжащий звук автомата Сабаха и автоматические винтовки его людей.

Тарик потянулся к сыну и сунул револьвер мальчику в руку. Сам он взял старую винтовку одного из убитых бандитов, потом выдернул из песка изогнутый нож и направился в глубь палатки.

Его старшие сыновья лежали там, словно отдыхая, бок о бок. Их одежда была пропитана темной кровью и пробита во многих местах.

Волна чувств захлестнула Халифа — боль, горечь и гнев.

А снаружи продолжали стрелять. Бедуин вонзил нож в стенку палатки и прорезал небольшое отверстие. Выглянув, он осмотрел поле боя.

Сабах и трое мужчин из каравана стреляли, укрывшись за мертвыми верблюдами. Группа бродяг, одетых как бандиты, которых убил Халиф, отстреливалась, стоя по колено в воде, прячась за пальмами.

Их было не так много, чтобы взять лагерь силой. Он повернулся к Джинну.

— Как эти люди сюда попали?

— Они попросили разрешения остаться, — ответил тот. — Мы напоили их верблюдов.

Мысль о том, что бандиты воспользовались традициями бедуинов, щедростью и гостеприимством сыновей, прежде чем убить их, еще больше разгневала Халифа.

— Оставайся здесь, — приказал он Джинну.

Хозяин оазиса расширил отверстие и шагнул во тьму. Двигаясь по широкой дуге, он обошел своих врагов и проскользнул им за спины. Занятые Сабахом и его людьми, которые атаковали их с фронта, бандиты не заметили Халифа. Подобравшись к ним, он открыл огонь, стреляя им в спины, почти в упор.

Трое погибли сразу, а потом — четвертый. Пятый попытался бежать и был убит выстрелом Сабаха, но шестой — последний бандит — вовремя повернулся и выстрелил в ответ.

Пуля попала Тарику в плечо, отшвырнув назад, боль пронзила насквозь все его тело. Он упал в воду.

Бандит бросился к бедуину, полагая, что тот мертв или слишком сильно ранен, чтобы бороться. Халиф же, нацелив на противника старую винтовку, нажал на спусковой крючок. Гильза застряла в затворе. Он постарался передернуть затвор, но раненая рука оказалась слишком слабой, чтобы выбить перекосившуюся гильзу.

Бандит поднял ружье, нацелившись в грудь Халифа. И тут словно гром прогрехотал «Веблей».

Убийца рухнул возле финиковой пальмы с удивленным выражением на лице, а потом соскользнул вниз, выронив винтовку в воду.

Джинн стоял, держа оружие двумя руками. Глаза мальчика наполнились слезами.

Халиф огляделся в поисках врагов, но никого не увидел. Стрельба прекратилась. Слышен был лишь резкий голос Сабаха, отдававшего приказы его людям. Схватка закончилась.

— Подойди сюда, Джинн, — приказал Тарик.

Его сын подошел, дрожа всем телом. Халиф взял его за руку.

— Посмотри на меня.

Мальчик не ответил.

— Посмотри на меня, Джинн.

Наконец Джинн повернулся. Отец крепко вцепился в его плечо.

— Мой сын, ты слишком молод, чтобы понять, но ты сделал великую вещь. Ты спас жизнь своему отцу. Ты сохранил свою семью.

— Но мои братья и мать мертвы! — воскликнул Джинн.

— Нет, — возразил бедуин. — Они попали в рай, и в один прекрасный день мы встретимся с ними.

Мальчик не отвечал, он лишь смотрел на отца и плакал.

Справа что-то зашуршало. Халиф резко повернулся. Один из бандитов выжил и все еще пытался уползти.

Бедуин поднял изогнутый нож, готовый прикончить врага, но потом опустил руку.

— Убей его, Джинн.

Трясущийся мальчик с изумлением уставился на отца. Тарик выглядел непреклонным.

— Твои братья мертвы, Джинн. Будущее семьи в твоих руках. Ты должен научиться быть сильным.

Джинн продолжал дрожать, но отец и не думал отступить. Доброта и щедрость едва не уничтожили их род. Этих слабостей не должно быть у его единственного оставшегося сына.

— Ты должен забыть, что такое жалость, — заявил Халиф. — Он — враг. Если у нас не будет сил убивать врагов, они отнимут у нас воду. А если мы лишимся воды, нам останутся только скитания и смерть.

Он знал, что сможет заставить Джинна выстрелить, что может приказать мальчику и тот выполнит приказ. Но он хотел, чтобы сын сам принял решение.

— Ты боишься?

Джинн покачал головой. Потом медленно повернулся и поднял револьвер.

Бандит посмотрел на мальчика, но Джинн не стал колебаться, его рука больше не дрожала. Глядя в лицо бандиту, он спустил курок.

Грохот выстрела разнесся над водой и над песками. А когда звук утих, в глазах мальчика уже не осталось слез.